БИБЛИОГРАФИЯ

МИХАИЛ,
архиепископ Ставропольский
и Бакинский

ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЗАПАДНОМ БОГОСЛОВИИ

Евангелическим издательством в Берлине выпущен в свет в 1960 г. сборник статей разных авторов под общим названием «Исторический Иисус и проповедуемый Христос» [1].

Большинство участников этого коллективного труда — протестантские ученые богословы разных конфессий, но среди имен авторов встречаются и имена представителей католического богословия.

Христологическая проблема, поставленная в заглавии сборника, характерна для протестантского богословия последних двух столетий. Поскольку различные воззрения на образ Христа, энергично пропагандируемые представителями разных богословских школ и направлений, не только служили (и, к сожалению, служат до сего времени) причиною расхождения во мнениях среди ученых богословов, но и нередко питали (и сейчас еще питают) центробежные настроения среди более или менее широких кругов западных христиан, постольку появление рассматриваемого сборника нельзя не признать своевременным: как всегда, и в этом вопросе, разделения и споры часто вызывались недостаточной осведомленностью о том, чему учит «другая сторона».

Статьи сборника рассматривают проблему с самых различных точек зрения. Издательство не дает каких бы то ни было рекомендаций и воздерживается от оценки взглядов авторов, предоставляя таким образом читателю возможность сделать все необходимые выводы как о современном состоянии вопроса, так и о его сложности, обусловленной многослойным переплетением и взаимодействием богословских концепций и конфессиональных воззрений.

Однако, несмотря на большое разнообразие высказанных здесь точек зрения, всех авторов объединяет их вера в Господа Иисуса Христа и их желание служить Ему и углубленным изучением богословских проблем и проповедью. И поэтому весь сборник, воплощающий труд богословской мысли разных авторов, приобретает значение немаловажного этапа на пути преодоления вероучительных разделений для достижения подлинно экуменических целей единения и нахождения потерянного взаимопонимания. Православная Церковь может лишь приветствовать издание этого сборника, считая его появление не только своевременным, но и символичным. Недаром один из авторов сборника, Рене Марле (католический богослов), подчеркивает, что в данном вопросе и католические, и протестантские ученые, работая разными методами, исходя из различных предпосылок, приходят к одним и тем же выводам и научаются относиться друг к другу с все возрастающим взаимным уважением. Таким образом, непредубежденное и ревностное исследование Священного Писания, являющегося общехристианским наследием, становится действительным средством сближения всех христиан, объединяемых по-евангельски доброю волей [2].

Для ориентировки в основной теме, объединяющей все статьи разных авторов сборника, необходима небольшая специальная справка. Для того, кто не знает истории вопроса, самая мысль о каком-то разделении (и тем более противопоставлении)

[1] Der historische Jesus und der kerygmatische Christus (Evangelische Verlagsanstalt. Berlin, 1960, SS. 1—710).

[2] Указ. соч., стр. 36—38.

«исторического» Иисуса и «проповедуемого» Христа может показаться абсурдом. Древняя христианская Церковь такой проблемы не знала[1]. Равным образом и в средние века подобная тематика не имела места; не возникал этот вопрос и в начале Реформации. Так обстояло дело до конца XVIII века. До указанного момента евангельская экзегетика играла на Западе лишь служебную роль по отношению к догматике и занималась исключительно парафразированием и гармонизацией текстов.

Возникновение рассматриваемой проблемы связано с развитием идей эпохи гуманизма.

Профессор восточных языков Г. С. Реймарус (1694—1768) впервые с подчеркнутой резкостью заявил о том, что, по его мнению, «исторический» Иисус и «проповедуемый» Церковью Христос — отнюдь не одно и то же лицо. Рукопись Реймаруса была опубликована Г. Е. Лессингом в 1774—1778 годах («Вольфенбюттельские фрагменты»). Здесь содержится утверждение о том, что Иисус из Назарета Сам сознавал Себя лишь иудейским Мессией, борцом против римского ига, а универсальный, космический и эсхатологический смысл придан христианству якобы лишь усилиями последующих поколений, причем начало этому процессу было положено преднамеренной переделкой фактов, которую совершили якобы ученики Христовы, не захотевшие после смерти своего Учителя возвращаться к прежней жизни рыбаков и ремесленников. По утверждению Реймаруса, ученики Христовы в самом деле совершили будто бы тот подлог, в котором их обвинили враги Господа (Мф. 28, 11—15), и, таким образом, *создали «легенду о Воскресении»*.

Для каждого непредубежденного читателя вполне очевидно, что Реймарус решал поставленный вопрос крайне поверхностно и легкомысленно. Но его идеи нашли многочисленных последователей и продолжателей среди протестантских богословов. Суть вопроса для многих исследователей названной эпохи, получивших воспитание и образование в определенном духе, облеклась тогда в одну и ту же навязчивую формулировку: правильно ли передают Евангелия действительный образ Христа? Со времени опубликования «Вольфенбюттельских фрагментов» на этот вопрос было дано великое множество ответов, авторами которых были почти исключительно представители так называемого «либерального» протестантского богословия. Ответы эти, часто весьма несходные и даже противоречивые, имеют, однако же, некую внутреннюю объединяющую идею, своего рода основную предпосылку, сущностью которой является отказ от церковной догматики. Все авторы, посвятившие свои силы разработке темы о «действительном» или «историческом» Иисусе, согласны в том, что непреходящую, безусловную ценность имеет лишь Его личность и Его проповедь, а вовсе не христологическая догма. Результатом этого движения было появление на свет великого множества сочинений, многие из которых носят название «Жизнь Иисуса». Под пером разных авторов эта тема получает далеко не одинаковое освещение: богословы, склонные к рационалистическому мышлению, изображают Господа Иисуса проповедником морали, идеалисты-мистики — воплощением человечности в ее высшем развитии, эстеты — ни с кем не сравнимым оратором. Так под именем «исторического» Иисуса читающая публика ознакомилась с плодами творческой фантазии множества богословствующих писателей, пытавшихся выдать придуманную ими романическую и утопическую фигуру за «действительного» и «исторического» Иисуса. Отказавшись, по существу дела, от использования тех источников, которыми располагает Церковь, эти авторы базировались почти исключительно на изменчивых данных психологических наблюдений и на собственной фантазии, направляемой капризными извивами личных симпатий и антипатий.

Если можно так выразиться, «классический» образец такого рода литературных упражнений был дан одним из корифеев «либерального» протестантского богословия — А. Гарнаком в его нашумевших в свое время лекциях «О сущности христианства» (1900 г.)[2]. Речь здесь идет об Иисусе из Назарета, Который ведет людей к Небесному Отцу.

Этот образ Человека Иисуса из Назарета, ставший боевым лозунгом «либерального» направления в протестантском богословии, в течение немалого времени противопоставлялся тому образу Христа, который проповедуется «ортодоксальным» протестантским богословием на основании церковного символа веры и литургического священнодействия[3].

Стремясь уйти как можно дальше от всякого трансцендентного авторитета, авторы вышеупомянутых сочинений «либерального» направления, в конце концов, горько

---

[1] В гностических системах встречается учение об Иисусе уничиженном и о другом Иисусе — Единородном и живущем в славе. Гностик Валентин утверждал, что «всесильный Христос» снизошел на «духовного Иисуса» при крещении в Иордане. Все эти вымыслы входили в круг идей, которые, как доказано, являются и внецерковными, и внехристианскими (J i l l e s Q u i s p e l. Gnosis als Weltreligion. Zürich, 1951).

[2] A. H a r n a c k. Das Wesen des Christentums.

[3] Не следует забывать, что на протестантском Западе, начиная с XVII века, под влиянием пиэтизма большой популярностью пользуется еще одно понимание образа Христова, а именно мистическое. Это мистическое понимание в большинстве случаев является лишь углублением «ортодоксального» понимания. «Либеральное» богословие противопоставило свою концепцию как «ортодоксам», так и «мистикам».

обманули своих читателей. Мало-помалу стало выясняться, что методы, которыми они пользовались, несостоятельны.

Еще в 1892 году М. Келер выступил с принципиальной критикой допущенных «либералами» неточностей и натяжек [1].

Этот автор, оставшийся почти не услышанным современниками и извлеченный из забвения значительно позднее, зовет к трезвой оценке наличных библейских источников и к отказу от нездорового увлечения фантастикой и психологическими упражнениями. С течением времени доводы М. Келера становились достоянием все более и более широкого круга богословов, и, наконец, для подавляющего большинства представителей протестантской богословской науки стало ясно, что наши канонические Евангелия не могут рассматриваться как обычные биографии, поскольку их основная цель — вероучительная проповедь о мессианском служении Иисуса Христа, Сына Божия, воплотившегося для нашего спасения, распятого и воскресшего в третий день, согласно со всеми пророческими предречениями. Известные нам евангельские тексты являются вместе с тем нашими единственными источниками для ознакомления с образом и с проповедью Иисуса Христа. Других источников у нас для этого нет. (Деяния апостолов и апостольские послания лишь в немногих случаях дополняют и иногда комментируют евангельские тексты.)

Из этого следует, что все внимание богословов должно быть сосредоточено на правильном понимании имеющегося в наличии евангельского текста. Только через призму сознания новозаветных авторов мы можем приблизиться к уразумению жизни, дела и благовестия Иисуса Христа.

Так в недрах протестантского богословия родился новый метод истолкования Евангелия, получивший название «формально-исторического». Работы протестантских ученых этого направления, далеко не во всех пунктах совпадающие в постановке вопросов и в выводах, имеют один общий признак: они все базируются на предположении, что дошедший до нас евангельский текст является заключительной стадией более или менее длительного развития «форм», в которых находили свое выражение вера и проповедь раннехристианских общин. Увлекаясь исследованием развития этих «форм», протестантские экзегеты нового направления роковым образом стали постепенно выпускать из виду фактическую основу веры древнехристианской Церкви. Только этим и можно объяснить, что один из корифеев этого направления экзегетики Р. Бультман стал утверждать, будто бы мы почти ничего не можем знать о жизни и личности Иисуса Христа, поскольку проповедь Древней Церкви якобы говорит не о том, кто такой Христос, а лишь о том, в чем заключается Его значение для веры. А это, по утверждению Р. Бультмана и его учеников и единомышленников, и есть то единственное, что имеет смысл для христианина.

Так на смену одностороннему увлечению фантастическими литературными упражнениями на тему об «историческом» Иисусе пришло не менее одностороннее увлечение отвлеченным спиритуалистическим фидеизмом. Содержание церковной проповеди о Христе представлялось при этом в отрыве от реального образа Иисуса Христа, так что в совершенно неожиданном виде в богословии протестантских ученых новейшего времени как бы возродился древний докетизм.

Развитие богословской науки в протестантской Церкви, однако же, на этом не остановилось. Отказавшись от крайностей вышеописанных односторонних увлечений, ученые-экзегеты продолжают углубленное изучение данных, содержащихся в новозаветных Писаниях, исходя из того (долго игнорировавшегося) положения, что свидетельство этих Писаний — и прежде всего Евангелий — об Иисусе Христе базируется на Его собственном самосознании.

На развитие протестантской экзегетики последнего времени немалое влияние оказали и текстуальные находки, сделанные в Кумране (известные также под общим названием «рукописи Мертвого моря»), и папирусы большой гностической библиотеки, найденной в Наг-Хаммади (Египет). Эти находки способствовали значительному уяснению того, что может быть названо фоном евангельской истории, а также помогли уточнить пути передачи предания христианских общин.

Предложенная здесь фактическая справка составлена на основании материалов, содержащихся на страницах рассматриваемого сборника. В частности, для этого использованы статьи И. Иеремиаса, Р. Марле и Л. Гоппельта [2].

Общее число авторов, участвующих в сборнике, сорок восемь. Статьи, принадлежащие разным авторам, как уже отмечалось, весьма разнообразны. Разнообразие это выражается не только в трактовке основной проблематики, но и в постановке отдельных вопросов. В заглавиях и в содержании некоторых статей иногда звучат полемические мотивы, но большинство их написано с исключительной объективностью. Аспекты, в которых разные авторы излагают свои воззрения по затронутому вопросу, весьма разнятся между собой: здесь можно найти и догматический подход к делу, и

---

[1] M. Kähler. Der sogenannte historische Jesus und der geschichtliche biblische Christus.

[2] J. Jeremias. Der gegenwärtige Stand der Debatte um das Problem des historischen Jesus (SS. 12—25).

R. Marlé. Der Christus des Glaubens und der historische Jesus (SS. 26—38).

L. Goppelt. Der verborgene Messias (SS. 371—384).

экзегетические соображения, и изыскания из области истории религий, и даже гомилетическую проблематику. Материалы церковно-исторического характера чередуются с религиозно-философскими построениями. Встречаются нередко и повторения. Сборник завершается статьей, в которой исследуются исторические перипетии художественного развития изображений Иисуса Христа в живописи, в мозаике и в скульптуре на протяжении столетий. Эта статья снабжена, в качестве приложения, 36 иллюстрациями.

Приводимые далее соображения и наблюдения являются своего рода суммой впечатлений при чтении статей сборника. В качестве «опорных пунктов» использованы высказывания отдельных (не всех) авторов сборника, представляющиеся наиболее характерными.

Один из авторов сборника — пражский богослов, доктор Иосиф Громадка — хорошо известен и в православных кругах как неутомимый защитник мира с позиций христианской веры. В сборнике он выступает как богослов[1]. Он пишет здесь о том, что годы его богословского образования совпали со временем самой напряженной работы экзегетов и историков Церкви над проблемой «исторического» Иисуса. Эта работа не была напрасной. Именно благодаря тому, что внимание юного студента было приковано к реальному лику живого Спасителя, духовный свет, исходящий из этого источника, не был впоследствии ничем омрачен. Между тем, следует помнить, что перевороты и грандиозные события последних десятилетий перевернули и сокрушили многие из устоявшихся веками систем, догм, конфессий и традиций. Во всех этих крушениях у автора сохранилось одно великое сокровище — отпечатлевшийся в душе, начертанный в сердце простой человеческий образ Иисуса из Назарета с Его всеобъемлющей любовью к людям, с Его безупречной нравственной чистотой, с Его кротким и вместе с тем непоколебимым мужеством, с Его несокрушимой верой в Бога и в Божие Царство, которое уже наступило и идет к своему совершению.

Но, спрашивается, не слишком ли наивными выглядят черты этого образа в изменившихся условиях? Ведь не напрасно богословие вернулось от одностороннего увлечения «историческим» Иисусом к проблеме «проповедуемого Церковью» Христа. Ведь уже все богословы согласились с тем, что и Евангелие, и вся новозаветная и раннехристианская литература — это не исторические материалы в узком и специальном смысле этого слова, а звучащие разными голосами свидетельства веры. И Церковь всегда жила и живет верою в Господа Иисуса Христа. Не подлежит также сомнению, что хронологически между «историческим» Иисусом и верою первохристианской общины стоит событие Воскресения Христова. Это событие по своему внутреннему содержанию исторически неописуемо. Но с самого начала своего бытия первая христианская община уже видела, представляла себе, осмысливала и проповедовала Иисуса Христа в свете Воскресения. *Сияние Пасхи определило пути христианской* веры. А без этого пасхального света вся проповедь веры была бы сведена к ничтожеству и самый Крест Христов оказался бы только одним из бесчисленных крестов, стал бы подобным любому другому орудию казни, изобретенному человеческой злобой. Без света Воскресения, оживляющего христианскую веру, все слова и все дела Иисуса из Назарета забылись бы, затерялись в океане слов и дел различных религиозных наставников, энтузиастов и чудотворцев.

В самом содержании нашей веры исключительно важная роль принадлежит Писанию. Ведь если без канонических книг Ветхого Завета мы почти ничего не знали бы о древней истории Израиля, то и без принятых Церковью канонических книг Нового Завета мы очень немногое могли бы сказать о том, что так или иначе относится к истории зарождения христианства.

Из этого следует, что нам нужно изучать и понимать истоки нашей веры в самых первых ее проявлениях. Наша вера в Иисуса Христа не висит, так сказать, в воздухе. Ее основанием не являются какие-то беспочвенные спекуляции благочестивых мечтателей и мистические переживания участников культовых собраний. Вера наша основана на реальных событиях, имевших место на земле, среди людей. Христос, Которого возвещает и проповедует Церковь, это не фантастическое видение, не самодовлеющая проекция мыслей и настроений самочинно собравшейся общины, направленная на какой-то внеисторический отвлеченный образ. Исследователь должен представлять себе всю обстановку жизни первохристианской общины и весь строй мыслей и надежд ее членов в точном соответствии с тем, что об этом повествует Писание: здесь все важнейшие этапы обнаружения и раскрытия веры тесно переплетены с фактами и условиями земного бытия.

Познание так называемого «исторического» Иисуса может быть успешным и плодотворным только на путях апостольской и церковной проповеди о Христе. Неизменная вера Церкви содержится в проповеди о том, что все человеческое бытие Иисуса Христа есть не что иное, как откровение Бога. Не только слова Господа Иисуса, не только Его чудесные дела, но и самое явление Его в мире и Его общение с грешными людьми, для спасения которых Он и пришел,— вот в чем основное содержание и вместе с тем таинство евангельского благовестия. Церковь особенно подчеркивает в своей проповеди об Иисусе Христе, что Он родился в мире «от Духа Святаго и Марии Девы» и что Он воскрес из мертвых. Но даже эти величайшие чудеса ни в ка-

[1] J. Hromadka. Zur Frage des historischen Jesus und des kerygmatischen Christus (SS. 115—120).

кой мере не изолируют Иисуса Христа от остальных людей, не исключают Его из бытия земного мира. Эти дивные чудеса, стоящие в начале и в конце евангельской истории, свидетельствуют о сверхъестественном вторжении Божией воли и Божией силы в жизнь земного мира. Вера в Христа, «проповедуемого» Церковью с самого начала ее бытия, передается из поколения в поколение. Таким образом, Церковь живет в преемстве веры, тесно связанная этим преемством с первохристианской общиной. Но в то же время Церковь живет в мире в условиях продолжающегося исторического развития, а из этого факта вытекает ответственность христианской веры. Эта ответственность, лежащая на Церкви, заключается в том, чтобы всегда сознавать и ощущать себя в связи с этим миром, с нуждами человечества. И эта ответственность весьма реальна, весьма конкретна.

Все объединенные в одно целое положительные богословские знания об «историческом» Иисусе, о «проповедуемом» Христе, о вере Древней Церкви должны быть общепризнанными для всех христиан и обязательными критериями для нахождения истинных путей и правильного решения вопросов, выдвигаемых жизнью. Богослов должен применять все находящиеся в его распоряжении средства познания к действительной жизни Церкви. Христианин должен жить и решать все жизненные вопросы на основании правильно понятого им христианства, а это понимание дается лишь тому, кто верует в Иисуса Христа по-евангельски, по-апостольски, по-пророчески.

Точка зрения д-ра И. Громадки на основную проблему (связь между концепциями «исторического» Иисуса и «проповедуемого» Христа) разделяется многими другими авторами сборника. Так, проф. Н. А. Даль (Осло) [1] пишет, что вовсе не существует никакой пропасти между «историческим» Иисусом и тем, что проповедует о Христе Церковь. Напротив, здесь налицо самая тесная и нерасторжимая связь. Попытки отделить проповедь и жизнь Иисуса Христа от Его крестной смерти и Воскресения, предпринимаемые с той целью, чтобы найти в этом искусственно изолированном с предвзятой целью «историческом» Иисусе сущность христианства, должны быть названы чистым произволом.

Проф. Рудольф Бультман — один из корифеев «формально-исторического» направления протестантской экзегетики — заявляет, что нет другой веры в Иисуса как в Христа, кроме соединенной с ней веры в проповедующую о Христе Церковь, в действующего в Церкви Святого Духа. И притом эта вера в Христа, присутствующего в слове проповеди, соединяемая с верою в проповедующую Церковь, является верой в Воскресение Христово [2].

Как видно, несмотря на объединение веры в «исторического» Иисуса с верою в «проповедуемого» Христа, к чему призывает Р. Бультман, речь идет здесь о соединении «вер», а противоположение «исторического» Иисуса «проповедуемому» Христу как бы затушевывается: трудно понять, остается ли в силе это противоположение или снимается. Следует здесь же оговориться, что напечатанная в сборнике очень краткая, можно сказать, декларативная статья Р. Бультмана отнюдь не исчерпывает собой воззрений автора на эту тему и даже не является для него характерной. Не случайным поэтому следует считать включение в состав сборника нескольких статей полемического содержания, направленных на преодоление односторонностей, которыми страдают многие высказывания Р. Бультмана и его учеников.

П. Альтгауз (Эрланген) [3], установив родство взглядов Р. Бультмана и Ф. Гогартена [4], упрекает Р. Бультмана в известной двойственности взглядов и утверждений. История у Р. Бультмана как бы совсем зачеркнута: она не нужна. Оценка всех событий и всех утверждений, имеющихся в евангельском повествовании и в христианском вероучении, дается им на основании их утилитарного значения для спасения отдельного человеческого «я». Призывая к освобождению от крайностей субъективизма, П. Альтгауз настаивает на том, чтобы его собратья (протестантские богословы) возвратились к тем принципам, которых придерживался в экзегетике Мартин Лютер: вникая в смысл Евангелия, он всегда с особым вниманием всматривался в те эпизоды евангельского повествования, в которых наглядно изображены конкретные черты обращения Господа Иисуса с людьми. Поступая таким образом, М. Лютер всегда приходил к выводу о том, как действует Бог, вступая в общение с человеком. Между тем, у Р. Бультмана и у его последователей отвлеченно представляемый «проповедуемый Церковью» Христос по существу дела отделен от «исторического» Иисуса. Но можно ли называть верой такую беспочвенную веру? Увлекаясь своей излюбленной «демифологизацией» Евангелия, Р. Бультман забывает о том, что его метод экзегетики — лишь один из методов. Любой метод исследования и истолкования, каков бы он ни был, всего лишь именно метод, а не заданное наперед решение всех вопросов.

Призывая богословов к отказу от антропологического сужения богословских проблем, П. Альтгауз очень серьезно предупреждает, что дальнейшее одностороннее увле-

---

[1] N. A. D a h l. Der gekreuzigte Messias (SS. 149—169).

[2] R. B u l t m a n n. Das Verhältnis des urchristlichen Christuskerygmas zum historischen Jesus (SS. 233—235).

[3] P. A l t h a u s. Zur Kritik der heutigen Kerygmatheologie (SS. 236—265).

[4] Фр. Гогартен — последователь Карла Барта, увлекающийся субъективистским подходом к решению вопросов сотериологии.

чение методами, применяемыми Р. Бультманом и его последователями, неизбежно приведет назад, к ричлианству с его всем известными и давно осужденными заблуждениями.

Подобного рода высказываний в сборнике очень много.

Э. Хейч [1] пишет, что без веры в Воскресение не было и не может быть проповеди об Иисусе Христе. Это — неоспоримая истина, воплотившаяся в минувших событиях церковной истории. И вместе с тем это — программа дальнейшего бытия Церкви и веры христианской; ведь только через исторически сложившееся христианство и через церковное Предание мы можем говорить об Иисусе Христе, поклоняться Ему и веровать в Него. Раннехристианская община сознавала и ощущала себя как призванная к бытию силою Воскресшего Господа. И лишь через посредство этой именно общины мы можем хотя бы отчасти приоткрывать завесу, закрывающую от нас события допасхального периода. А тот энтузиазм, который воодушевлял раннехристианскую общину ожиданием близости второго пришествия, мобилизовал духовные силы, обеспечившие возможность сохранить в грядущих веках дела, совершенные Господом Иисусом, и Его учение. Христианская Церковь стала как бы той колесницей, на которой проповедь Иисуса Христа совершила свой путь через столетия.

«Бог стал плотью для того, чтобы войти в сферу человеческого бытия»,— так пишет Г. Гольвитцер [2]. Божие Откровение — это то общение, в которое Бог вступил с нами через пришествие Иисуса Христа. Наша вера — это Сам Иисус Христос, воспринимаемый нами как Бог, вступивший в общение с людьми. Этим определяется наше отношение к Писанию, к записанному Божию Откровению. Его святость не в нем самом, а в Том, о Ком оно свидетельствует. И это Божие свидетельство — реальное, ощутимое, связанное с действительностью — обращено ко всем людям. Совершенно неправ А. Швейцер [3], утверждающий, будто христианство может жить как религия, не нуждающаяся в историческом обосновании. Такие высказывания были бы к лицу лишь односторонним спиритуалистам и мистикам или приверженцам идеализированного (очень живучего) гностицизма, но совершенно не годятся для настоящей христианской веры: для нее Иисус Христос не может быть символом или носителем общих истин, а является средоточием, предметом истинной личной любви.

Г. Шюрман [4], выступивший в сборнике с очень солидной статьей, посвященной «логиям» (изречениям) Иисуса Христа, самым энергичным образом подчеркивает, что понятие о Предании, взятое в полном объеме христианского сознания, может быть объяснено только посланничеством, исходящим от Самого Господа, жившего на земле, страдавшего и воскресшего, а затем утвердившего Свое слово ниспосланием Святого Духа. Только Сам Господь Иисус Христос и Дух Святой делают христианское Предание тем, чем оно является в действительности. Предание, возникшее без поручения от Господа и не носимое Духом Святым, было бы всего лишь мертвой буквой (2 Кор. 3, 6) и не могло бы вызвать к жизни христианской веры.

М. Бэрроуз (США) [5] предостерегает от модного увлечения теологией, оторвавшейся от реальной почвы (речь идет об упомянутых уже в предшествующем изложении односторонних установках Р. Бультмана и его единомышленников). Христианское богословие перестает быть христианским, когда оно отрывается от источников, от реальных основ. Для того, чтобы изжить это увлечение, необходимо приблизиться к действительному библейскому пониманию Боговоплощения. (Невольно вспоминается при этом св. Ириней Лионский, полемизировавший с гностиками и с особым ударением подчеркивавший значение Божия воплощения для человеческого спасения.)

Парижский ученый, профессор Католического института Ж. Даниэлу посвятил свою статью, написанную для сборника, выяснению проблемы Богочеловечества и ее принципиального значения для уразумения Божия Домостроительства спасения людей [6]. Он указывает на то, что противопоставление «исторического» Иисуса прославленному Господу, Которого возвещает Церковь, является грубой принципиальной ошибкой. Этой схеме следует противопоставить другую: постепенное развитие и раскрытие Домостроительства спасения, где каждый этап имеет как свою эмпирическую, так и трансцендентную сторону (при непременном единстве содержания). Основное внимание автора посвящено вопросам типологии Ветхого Завета, выяснению значения общественной деятельности Иисуса Христа в дни Его земной жизни и институционным особенностям Церкви. Эти темы, имеющие самое непосредственное отношение к вышеуказанным этапам обнаружения и раскрытия Домостроительства спасения, выделены автором по той причине, что вокруг каждой из них накопилось большое количество неясностей и двусмысленных толкований, которые должны быть устранены.

---

[1] E. Heitsch. Jesus aus Nazareth als Christus (SS. 62—86).

[2] H. Gollwitzer. Der Glaube an Jesus Christus und der sogenannte historische Jesus (SS. 110—114).

[3] A. Schweitzer. Geschichte der Leben-Jesu-Vorschung. Tübingen. 1951.

[4] H. Schürmann. Die vorösterlichen Anfänge der Logientradition (SS. 342—370).

[5] M. Burrows. Der historische Jesus und die Lehre von der Inkarnation (SS. 487—494).

[6] J. Daniélou. Die Gottmenschheit als Formalprinzip der Heilsgeschichte (SS. 495—508).

Рассуждая о типологическом значении Ветхого Завета, автор говорит о соотношении Божиих дел в прошлом, настоящем и будущем, об аналогиях и о прообразовательном смысле совершившегося *по отношению к тому, что имеет совершиться*.

Выяснение вопроса о значении общественной деятельности Господа Иисуса приводит к выводу о том, что на основании свидетельства Евангелий основной задачей этой деятельности было подготовление к созиданию Церкви и приготовление проповедников и строителей этой Церкви.

Тема об институционном характере Церкви раскрывается демонстрацией того факта, что весь авторитет Церкви основывается на Божественном авторитете Самого Спасителя.

Во всех последовательных этапах развития Домостроительства спасения отчетливо выявляются органическая связь и взаимообусловленность, позволяющие с полной уверенностью говорить о единстве Божия плана и исполнения этого плана.

Не всем легко отказаться от привычных представлений, привитых неправильными богословскими мнениями и теориями. Для принятия предлагаемой схемы (хотя она не нова, а лишь забыта: в святоотеческий век она была хорошо известна, но не имела четко разработанного выражения) необходимо известное усилие — усилие для перехода из области чувственного опыта в область духовных реальностей. Когда человеческий разум оказывается на пороге такого перехода, часто возникает затруднение; «легкий» выход из него обычно ищут в разделении сфер, которые для привычных представлений кажутся несовместимыми. Именно так возникло в свое время стремление к тому, чтобы познать «исторического» Иисуса отдельно от Христа, возвещаемого верою. Человеческому рассудку хотелось бы полностью разделить и обособить эти «две» темы. И рассудок, соблазненный этим покушением, разделил неразделимое: с одной стороны, Сам по Себе, как будто, существует Человек Иисус, а с другой стороны, Само по Себе Слово Божие.

Между тем, сущность таинства спасения заключается как раз в том, что Божественное Слово вочеловечилось, стало плотью. В этом таинстве Христова воплощения осуществляется воля Божия, властно требующая взаимопроникновения двух начал. Существеннейший признак дела, совершаемого в мире Христом,— строгая и неразрывная взаимозависимость всех частей и всех периодов спасительного Божия Домостроительства. Таинство Христово наполняет собой все и все соединяет. Это парадоксально. Тот, кто пытается представить себе, как именно это происходит, оказывается лицом к лицу с тем, что неизъяснимо, и готов воскликнуть: «Какие странные слова!» (Ин. 6, 60). Но именно здесь приподнимается край завесы, отделяющей мир вещественных явлений от мира потустороннего, и из-за этой завесы прорывается в наше сознание луч Божественного света, просвещающего умы и сердца Тройческим единством.

Божественная воля, объединяющая разные сферы бытия, указывает нам и на наш долг: мы не имеем права делить нашу жизнь на две не зависящие друг от друга сферы, жить и поступать в одних случаях «по-христиански», а в других — «обыкновенным образом». Всякая двойственность сама по себе порочна и несет в себе и с собою новые соблазны. Подвиг веры вдохновляется свыше на борьбу со всеми разделениями. Залог и орудие победы — Богочеловечество: Иисус Христос есть и Бог и Человек, Единый и Неразделимый в этом Своем Богочеловечестве — и в Евангельском явлении, и в Евхаристии, и в вечной жизни.

Во многих статьях сборника приводятся различные соображения, имеющие своей целью помочь соблазняющимся уйти из-под власти того предвзятого истолкования текста 2 Кор. 5, 16, которое долго держало в плену многих поклонников субъективистской экзегетики и «формально-исторических» построений. Апостол Павел пишет коринфянам: «Если (мы) и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем». Опираясь на этот текст, не в меру усердные антагонисты теорий, посвященных выяснению образа «исторического» Иисуса, хотят найти в Священном Писании поддержку своему утверждению, будто христианство совсем не нуждается в историческом обосновании. Но это опровергается контекстом речи св. Павла. Авторы сборника стараются выяснить этот контекст с разных точек зрения.

В этой связи в упомянутой уже статье Г. Гольвитцера говорится, что наиболее полным и надежным средством познания Господа Иисуса Христа является исповедание веры, по сравнению с которым все остальное, в том числе и отдельные факты евангельской истории, имеет меньшую ценность и второстепенное значение. В этом, по мысли автора, основной смысл высказывания св. Павла [1].

Возвращаясь еще раз к этому же вопросу, Г. Гольвитцер определяет употребленное в данном случае апостолом слово «плоть» как то, что видимо снаружи. Это отнюдь не покрывало над чем-то неизвестным, но это и не очевидность. Это — символ, ждущий своего раскрытия, которое может совершиться лишь силою Святого Духа в слове, обращенном свыше к вере, ожидающей этого раскрытия [2].

П. Альтгауз, чья статья также упоминалась выше, рассматривая эту проблему, утверждает, что слова «по плоти» относятся не к дополнению («Христа»), а к сказуемому («не знаем») [3].

---

[1] J. Daniélou. Op. cit., S. 112.
[2] Op. cit., S. 114.
[3] Op. cit., S. 242.

Как видно, предлагаемые объяснения не отличаются ясностью мысли и по этой причине едва ли могут быть признаны достаточно убедительными. Между тем, Предание Церкви хранит в своей сокровищнице древнее святоотеческое толкование текста 2 Кор. 5, 16, которое представляется значительно более соответствующим мысли апостола. Здесь необходима, прежде всего, терминологическая отчетливость, и вот именно эту терминологическую ясность мысли мы находим у св. Иоанна Златоуста: «В приложении к Христу, «по плоти» не иное что означает, как быть причастным немощам человеческого естества» [1].

Любой самой скромной попытке дать хотя бы приблизительную и общую оценку содержания рассматриваемого здесь сборника необходимо предпослать две существенные оговорки.

1) Поскольку статьи сборника, как уже сказано выше, написаны разными авторами и с разных точек зрения, постольку речь здесь может идти только об общих впечатлениях, о том настроении, которое остается после чтения сборника, а также о тех пожеланиях, которые хочется высказать на основании прочитанного.

2) Как известно, в свое время Православию пришлось пережить очень тяжелые испытания в период возникновения и распространения несторианства и монофизитства, которые некоторыми своими чертами отчасти напоминают две новейшие крайности протестантского богословия (сначала модное увлечение темой «исторического» Иисуса, а затем диаметрально противоположная попытка сконструировать некое «христианство без истории»). Но следует помнить, что как несторианство, так и монофизитство возникли в совершенно иных условиях, строились в другой плоскости и пользовались для выражения своих идей языком, очень мало похожим на язык апологетов двух только что названных крайних точек зрения, возникших недавно в протестантском богословии. Поэтому можно утверждать, что Православие ни в древние, ни в более новые времена не искушалось соблазном надуманного противопоставления «исторического» Иисуса «проповедуемому» Христу и никогда не представляло себе возможности какого-то «внеисторического» христианства. Именно по этой причине проблематика рассматриваемого здесь сборника по существу дела находится вне сферы православного богословского сознания.

Правда, в русской богословской науке должно быть упомянуто одно имя, а именно имя проф. М. М. Тареева, которое нуждается в иной характеристике, чем только что приведенная суммарная оценка. М. М. Тареев, как известно, испытал на себе сильное влияние идей «либерального» крыла протестантской богословской мысли. Именно этим влиянием и объясняется то обстоятельство, что он видел в Евангелии не столько действительный образ Христа, сколько символику Его земной жизни. Говоря о «Евангельском Христе», М. М. Тареев любит изображать Его как единственного Человека, Который жил всецело лишь для Божия дела... [2] Подражателей у М. М. Тареева, насколько известно, не имеется.

Усматривая в большинстве статей сборника, при всем их разнообразии, достаточно отчетливое единство мыслей и стремлений, хочется приветствовать проявление доброй воли его авторов. С этой точки зрения сборник может быть назван еще одним добрым «знамением времени», свидетельствующим о том, что в западном христианском мире не только мечтают о возвращении к единству в вере и богословствовании, но и серьезно работают над этой проблемой. Во всяком случае, как видно, пришло время для плодотворной совместной работы богословов разных исповеданий над важнейшими христологическими и сотериологическими проблемами и над решениями важнейших задач экзегетики. Думается также, что конфессиональные и субъективные предпосылки односторонних богословских концепций будут все дальше отступать перед светом единой и объединяющей Христовой истины, и «истина сделает свободными» (Ин. 8, 32) всех, усердно ищущих ее и стремящихся освободиться от пленения надуманными теориями. Хочется, наконец, надеяться, что ревнители Христовой истины в западном богословии будут всегда помнить о серьезной ответственности, связанной с учительством, и, разрабатывая различные отделы и аспекты богословских наук, всегда будут помнить, что «Един Господь» и «едина вера» (Ефес. 4, 5). Залогом того, что все высказанные здесь пожелания и надежды являются не беспочвенными, служит содержание многих статей сборника (напр., И. Иеремиаса, Э. Хейча, Г. Гольвитцера, И. Громадки, П. Альтгауза, Ж. Даниэлу и многих других авторов).

Сентябрь 1965 года.

---

[1] Творения св. Иоанна Златоуста в русском переводе. Изд. СПб. духовной академии, т. X, стр. 572.

[2] По связи речи здесь нужно упомянуть, что теми же либерально-богословскими идеями протестантского происхождения вдохновлялись некоторые из русских публицистов и литераторов конца XIX и начала XX века, затрагивавшие в своих произведениях религиозные темы. Наиболее яркое выражение эти периферические течения нашли в религиозно-философских воззрениях Л. Н. Толстого.